

ЧТО ДАЛА МОДЕРНИЗАЦИЯ ЭВЕНКАМ? ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ВЕКА И СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ

Д.А. Долгих, М.А. Щекин

Дмитрий Александрович Долгих | <http://orcid.org/0009-0004-6733-5048> | dolgikh-dmit@yandex.ru | преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия)

Михаил Алексеевич Щекин | <http://orcid.org/0009-0005-9083-7625> | smofficial@mail.ru | магистрант Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская пл. 6, Москва, ГСП-3, 125993, Россия)

Ключевые слова

модернизация, индустриальные проекты, эвенки, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, традиционное хозяйство, традиционная культура, колхозы и коллективизация, постсоветские преобразования, меры государственной поддержки

Аннотация

Статья основывается преимущественно на материалах экспедиций 2021–2022 гг. в районы тесного совместного проживания эвенков и русских – Верхнебуреинский р-н Хабаровского края и Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия. Территории, прилегающие к Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, оказались под влиянием агрессивной политики модернизационных преобразований, что привело к значительным трансформациям привычного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера (КМНС): в условиях, сложившихся после строительства магистрали и сопутствующей инфраструктуры, стало невозможно использовать традиционные способы жизнеобеспечения – оленеводство, охоту и рыболовство. Многие представители КМНС не смогли адаптироваться к изменившимся реалиям. Один из кардинальных выводов нашего исследования: необходимы тесное взаимодействие федеральных органов власти, например Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН), с Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНССДВ) и с эвенкийскими хозяйствующими субъектами. Центральным органам власти надлежит меньше полагаться на отчетную документацию местных властей, а постоянно мониторить реальную ситуацию. Необходимо уделить как можно больше внимания защите прав КМНС на ведение традиционного хозяйства. Это означает не только борьбу с нарушениями или злоупотреблениями в рамках уже действующих законов, но и пересмотр существующей модели, которая часто делает эвенков уязвимыми перед эксплуатацией их угодий частными предпринимателями и арендаторами. Кроме того, именно на правительстве нашей страны лежит ответственность за создание благоприятных условий для смены деятельности тех эвенков, которые не хотят или не могут вести традиционное хозяйство, что подразумевает улучшение доступа к образованию и создание новых рабочих мест, а также усиление мер социальной поддержки.

Статья поступила 17.07.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 05.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Долгих Д.А., Щекин М.А. Что дала модернизация эвенкам? Глобальные проекты века и судьбы людей // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 111–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050081>
EDN: YECIEC

Dolgikh, D.A., and M.A. Shchekin. 2023. Chto dala modernizatsiia evenkam? Global'nye proekty veka i sud'by liudei [What Did Evenks Get from Modernization? Global Projects of the Century and People's Destinies]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 111–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050081>
EDN: YECIEC

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00495]

Предлагаемая статья написана преимущественно по материалам экспедиций, которые проводились в Верхнебуреинском р-не Хабаровского края в 2021 г. и Северобайкальском р-не Республики Бурятия в 2021–2022 гг. В 2021 г., помимо авторов статьи, в полевых исследованиях принимал участие студент Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ Г.С. Коротин. Выбор районов осуществлялся с учетом нескольких критериев. Во-первых, населенные пункты, в которых проводилась работа, являются территориями компактного проживания эвенков и других коренных малочисленных народов Севера (КМНС), здесь действуют национальные сообщества и отдельные энтузиасты, которые занимаются сохранением эвенкийского языка, поддержкой и развитием традиционных промыслов. И в Хабаровском крае, и в Республике Бурятия активно работают отделения Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНССиДВ), обеспечивающие коммуникацию населения с местными, региональными и федеральными властями. Во-вторых, взаимодействие эвенкийского и русского населения в выбранных районах имеет длительную историю, в ходе которой выстраивались разнообразные модели взаимоотношений между народами, а также между коренным населением и государством при различных политических режимах. Следует признать, что и во времена Российской империи, и во времена СССР и Российской Федерации влияние государства на быт и культуру эвенков характеризовалось постоянным давлением, приводившим к системным трансформациям образа жизни коренного населения, иногда постепенным, а иногда лавинообразным. В-третьих, выбранные районы расположены вдоль Байкало-Амурской магистрали (БАМ). Особый интерес для нас представлял период строительства БАМа. Столь грандиозный индустриальный проект оказал значительное воздействие на систему жизнеобеспечения и социальные отношения местного населения. Первоначально нами было выдвинуто предположение, что именно строительство железной дороги послужило главной причиной разрушения традиционной культуры. Кроме того, выбранные районы имеют специфические отличия (пусть и не очень значительные), поскольку примыкают к разным частям Байкало-Амурской магистрали – западной и восточной.

Мы сосредоточились на поиске местных жителей – эвенков и представителей других коренных народов, заставших строительство БАМа, а также на встречах с представителями Ассоциации КМНССиДВ; кроме того, нашими информантами стали представители местных и районных администраций. В особенности нас интересовала деятельность официальных общин, занимающихся традиционными видами хозяйственной деятельности – оленеводством, охотой и рыболовством. Первостепенные вопросы, которые затрагивались в беседах, касались: генеалогий информантов и их родных с краткой биографической справкой по каждому из них; современного положения отраслей традиционного хозяйства; деятельности Ассоциации и местных общин КМНССиДВ; политики квот на рыбу и другие природные ресурсы в рамках традиционного природопользования. Основное внимание было сфокусировано на влиянии крупных модернизационных проектов, в числе которых строительство Байкало-Амурской магистрали и гидроэлектростанций (Иркутской, Братской, Бурейского каскада и др.), на традиционные сообщества, их хозяйственный уклад и систему жизнеобеспечения.

Мы использовали биографический метод, позволяющий показать историю сообществ через историю отдельных индивидов и семей. На наш взгляд, ме-

тод вполне оправдал себя: удалось собрать несколько десятков биографических нарративов, касающихся жизни и генеалогий не только самих респондентов, но и уже умерших их родителей, дедов и бабок.

Собранные генеалогии и биографические нарративы убедительно демонстрируют различия между жизненными траекториями разных поколений эвенков. Опрашивались в основном люди пенсионного и предпенсионного возраста, по их воспоминаниям генеалогии построены на два-три нисходящих поколения, т.е. до прадедов респондентов. Можно констатировать, что средний возраст и количество долгожителей сокращаются от поколения дедов к поколению родителей и далее к поколению самих респондентов. В поколениях дедов и прадедов ранние смерти вызваны, как правило, эпидемиями, в поколении детей интервьюируемых ранние смерти, во-первых, встречаются гораздо чаще, а во-вторых, их причинами становятся несчастные случаи на охоте, бытовые убийства и суициды.

Мы занимались не только интервьюированием, но и вели работу в ряде специализированных музеев, посвященных традиционной культуре эвенков и истории Байкало-Амурской магистрали: в Музее истории г. Хабаровска, Краевом краеведческом музее им. Гродекова, Музее археологии (все – в г. Хабаровске), в Краеведческом музее поселка городского типа Чегдомын, музее истории Байкало-Амурской магистрали в г. Тынде, в местных музеях в поселках Герби, Уоян, Нижнеангарск. Мы изучали коллекции, беседовали с сотрудниками, ведущими научную работу по этнологии. Кроме того, мы собирали материал в архивах и библиотеках. Помимо предлагаемой статьи, данные этих экспедиций и их анализ отражены и в других наших публикациях (см., напр.: *Долгих и др.* 2021)¹ – на них мы будем частично опираться в дальнейшем изложении.

Коротко об истории колонизации

Взаимоотношения эвенкийского и русского населения имеют давнюю историю. Мы не будем подробно останавливаться на ней, скажем только, что включение тунгусов в политическую и экономическую систему государства происходило постепенно, и скорость этого процесса увеличивалась по мере продвижения российской и советской колонизационной деятельности с запада на восток, т.е. восточные районы интегрировались стремительнее.

В конце XIX в. эвенкийское население преимущественно практиковало хозяйственный комплекс таежных охотников-оленоводов, получивший название “северная триада” (оленоводство, охота и рыболовство). Именно такой тип хозяйства, сложившийся накануне советского модернизационного проекта, в отечественной этнографии принято считать традиционным, хотя к тому времени лук и стрелы, использовавшиеся народами Севера для охоты, уступили место огнестрельному оружию, начала складываться товарная экономика, изменилась система землепользования (*Акимов* 2010; *Забяко и др.* 2012; *Шубин* 2007: 21–26, 272–273; др.). Однако, по замечанию А.А. Сириной, “происшедшая с российской колонизацией переориентация тунгусского хозяйства на пушную охоту, связанную с потребностями рынка, не затронула сути, глубинных основ кочевой культуры, хотя и оказала на нее огромное влияние” (*Сирина* 2012: 207). В 1920-е годы некоторые сообщества эвенков “уже не рассматривались как групп[ы] населения, требующ[ие] поддержки государства”, так как они были оседлыми, занимались не оленеводством, а земледелием и скотоводством, наряду с рыболовством и охотой (Там же: 9). Традиционное хозяйство эвенков интегрировалось в советскую экономическую систему, что имело как позитивные, так и негативные последствия. Коренные народы получили доступ

к образованию и медицинскому обслуживанию, для эвенкийского языка, как и для языков многих других коренных народов, была разработана письменность, начала складываться национальная интеллигенция. Но в то же время “эпохальные изменения заставили многих ученых говорить о потере народами Севера культурных особенностей и полном забвении традиций” (Там же: 4).

Усиленно внедрявшиеся государством новые типы хозяйствования были нехарактерны для эвенков и часто не подходили местным экосистемам (*Виноградова* 2010: 134). Создание крупных хозяйств привело к значительным изменениям уклада жизни. Настойчивые усилия властей, поставивших целью замену мелкотабунного оленеводства крупнотабунным и стремившихся переориентировать эвенкийское оленеводство, которое традиционно было преимущественно транспортным, на мясное производство, имели своим следствием превращение бытового кочевания в производственное, а это сопровождалось разделением семей (мужчины большую часть жизни по-прежнему проводили в тайге или тундре – на охоте или при стаде, женщины же часто оставались в поселках, а детей отправляли учиться в интернаты). Собственные нужды людей уступили место выполнению государственных заданий и планов. Кроме того, близкие родственники зачастую включались в разные бригады, таким образом семейно-родственные отношения, традиционно лежавшие в основе хозяйствования, сменялись производственными. Свою роль сыграла и специализация комплексных хозяйств на одном из видов деятельности – охоте или оленеводстве. При этом “эвенки стремились сохранить семейные коллективы в тайге, и лишь с 1960–1970-х годов женщины перестали стремиться в тайгу” (*Сирина* 2012: 294). Широко распространены были случаи, когда зарплаты “чумработниц” шли на покупку оружия и патронов для мужей. Гендерный разрыв, ставший следствием коллективизации, ощущается до сих пор.

Оценки связанных с коллективизацией событий на востоке и на западе отличаются в суждениях информантов. Поскольку в восточных районах процесс создания колхозов проходил гораздо позже и просуществовали они недолго, местные жители отрицательно воспринимают все, связанное с коллективизацией, – они хорошо помнят события тех лет, в отличие от жителей западных районов, в памяти которых эти события стерлись. Однако к ликвидации колхозов и совхозов и те и другие относятся негативно.

Байкало-Амурская магистраль

В 1960–1970-е годы началось строительство Байкало-Амурской магистрали. Новые железнодорожные пути оказались на маршрутах перекочевков эвенкийских оленьих стад и в границах пастбищ. В с. Могды Верхнебуреинского р-на Хабаровского края действовали оленеводческий колхоз и организованная на его базе звероферма. Незадолго до начала строительства железной дороги колхоз под предлогом истощения кормовой базы (оскудения ягельников) было решено переместить севернее. Жителей Могды переселили, эвенков – в основном в пос. Шахтинский. Стада оленей, поголовье которых сильно выросло в колхозный период, стали перегонять на север, где, как заявлялось официально, были более подходящие условия для выпаса. При перегоне оленьих стад часть животных погибла, часть прибилась к стадам диких оленей. О тех могденских оленях теперь с поэтической горечью вспоминают как о “последних оленях Амгуни”. Домашних оленей в районе нет уже много лет, и только в недавнее время местные жители стали помышлять о возрождении оленеводства, поскольку на близлежащих сопках и перевалах восстановились ягельники. Но на сегодняшний день оленеводов в Верхнебуреинском р-не не осталось, хотя там живет около

800 эвенков. Пенсионеры помнят раннее – до отправки в интернаты – детство среди оленей, но к тому времени, как они вернулись из школы, олени уже стали редкостью. “Ягель у нас не растёт, все эвенки оседлые”, – говорит глава районной администрации (ПМА 2021), хотя, по словам местных охотников, на близлежащих сопках имеются богатые ягельники. Самые большие сожаления и искреннее непонимание вызывают у представителей коренных народов именно ликвидация колхоза в с. Могды и изживание оленьего стада.

БАМ привлек в здешние края многочисленных переселенцев, при этом местных жителей на стройку не принимали – им предписывалось обеспечивать приезжих продовольствием. Редким эвенкам удавалось устроиться на строительство магистрали, на большие “бамовские” зарплаты. Это были исключения, делавшиеся на основании личных договоренностей между отдельными эвенками и бригадирами строительных отрядов. Получается, что БАМ строили всей страной, но без участия тех людей, которые веками жили на этой земле.

Когда во время наводнения на р. Бурей погибли последние лисицы зверофермы, перемещенной из с. Могды в пос. Шахтинский, эвенки снова вынуждены были переселяться, теперь уже в такие относительно крупные населенные пункты, как Чегдомын и Ургал. Некоторые же решили обосноваться поближе к покинутому с. Могды, в ближайшем к нему пос. Герби. В Могдах сегодня никто не живет, там находится железнодорожный разъезд и сохранилось эвенкийское родовое кладбище. В Шахтинском остается две семьи.

В Северо-Байкальском р-не Республики Бурятии, на западных территориях, примыкающих к Байкало-Амурской магистрали, также работали оленеводческие колхозы и зверопромхозы, занимавшиеся добычей пушнины, кроме того, на Байкале существовали хозяйства рыболовецкие и по добыче нерпы.

Оленеводы и здесь должны были обеспечивать строительные бригады продовольствием. Для “стройки века” ничего не жалели, и бамовцы стали массово отстреливать оленей прямо на пастбищах, выбирая самых крупных и красивых животных, остальные при этом в ужасе разбегались, скрывались в тайге и дичали. Туши убитых оленей вывозили вертолетами. Хищнический забой, по убеждению местных жителей-олленеводов, стал главной причиной снижения поголовья и нарушения половозрастной структуры стад, необходимой для их воспроизводства. По словам респондентов, сегодня уже не осталось знающих специалистов, способных такую структуру поддерживать. Однако в Северо-Байкальском р-не, в отличие от более восточных территорий, когда началась прокладка магистрали, местным жителям не препятствовали в трудоустройстве на строительство железной дороги.

Строительство БАМа привело к многочисленным конфликтам между представителями местного и пришлого населения. На бытовой почве случались драки, машины бамовцев нередко давили людей и скот. Упоминались случаи кражи приезжими рыбацких лодок и охотничьих собак. Хищнические охота и рыбалка строителей магистрали истощали леса и водоемы, вредили хозяйству местного населения. Конфликты вспыхивали и из-за женщин, некоторые эвенки вступали в близкие отношения с приезжими. «Немало “бамовцев” эвенки постреляли», – говорит женщина, вышедшая замуж за русского. Нередко нам рассказывали о том, как эвенки палили из ружей по проходящим поездам и грузовикам – от обиды. Примечателен гендерный аспект в том, как эвенки-респонденты характеризуют свои отношения с бамовцами: если женщины рассказывают о гармоничном сосуществовании, то мужчины – о многочисленных конфликтах.

О вреде, нанесенном экологии, охоте и рыболовству, говорили все без исключения наши информанты. Вот что вспоминала эвенкичка из с. Холодное, занимавшаяся рыбной ловлей: со строительством железной дороги качество

воды и рыбы постепенно становилось все хуже и хуже, на поверхности воды появилась слизь, контакт с которой вызывал кожные заболевания, а рыба стала попадаться с язвами. Другой информант из с. Байкальское, работавший в тот период охотоведом, утверждает, что шумы от строительных работ и железной дороги, а также охота и рыбалка пришлого населения серьезно сокращали количество дичи и рыбы в окрестностях (ПМА 2022). Авторам неоднократно приходилось слышать от информантов-эвенков и в Хабаровском крае, и в Республике Бурятия, что БАМ окончательно уничтожил традиционный образ жизни, хотя местные жители не могут не ценить и определенных “плюсов цивилизации”, явившихся следствием строительства магистрали (ПМА 2021, 2022).

Не только БАМ

Изначально, как мы уже писали выше, нам казалось, что именно строительство железной дороги привело к деградации, а в некоторых местах и к полному исчезновению традиционных форм хозяйствования, но следует признать, что не столько сами индустриальные проекты давали негативный эффект, сколько сопутствовавшие им социальные изменения и крупные советские и постсоветские “социальные эксперименты”, такие как коллективизация в советское время или приватизация земельных угодий в постсоветское.

В ходе полевой работы стало ясно, что наше предположение о том, что именно строительство Байкало-Амурской магистрали явилось ключевым событием процесса модернизации быта и хозяйства эвенков и, как следствие, основным фактором травмирующего опыта, для Верхнебуреинского р-на Хабаровского края не подтвердилось. Еще в меньшей степени это предположение оправдалось применительно к расположенной значительно западнее Республике Бурятия, где БАМ – не единственный крупный инфраструктурный объект, оказывающий колоссальное влияние на систему природопользования и хозяйствования эвенков; существенную негативную роль сыграли электростанции на р. Ангара (Иркутская и Братская ГЭС) и целый ряд иных факторов. Однако строительство магистрали и здесь привело к уничтожению оленеводческих хозяйств и изменило демографическую ситуацию.

Ко второй половине XX в. стали ощущаться последствия проводимой советским государством политики в отношении коренных народов Севера. Стремление интегрировать эвенков в единое экономическое и политическое пространство страны привело к глубинным изменениям основ их культуры. А.А. Сирина выделяет следующие основные факторы негативного влияния на традиционные культуры эвенков и эвенов: ускоренный перевод на оседлый образ жизни и изменение типа расселения, формирование товарного хозяйства, технические нововведения, замена бытового кочевания производственным, обучение в интернатах и переход на русский язык (Сирина 2012: 9). По мнению исследовательницы, “в XX в. оба народа пережили два мощнейших социальных эксперимента, имевших как позитивные, так и негативные последствия, – интеграцию и модернизацию 1930–1950-х годов и демодернизацию 1990-х годов” (Там же: 4). Если говорить конкретно об исследуемых районах, то, на наш взгляд, таких “экспериментов” было больше. Практически на долю каждого поколения эвенков выпадал коренной слом общественно-хозяйственной парадигмы. Вслед за коллективизацией, в ходе которой эвенкийские традиционные хозяйства были преобразованы в оленеводческие колхозы, к которым позднее прибавились сопутствующие зверопромхозы, занимавшиеся промыслом и разведением пушного зверя, начались крупные индустриальные проекты, в значительной степени менявшие ландшафты, логистические цепочки, этническую и социальную

структуру местного населения. Еще большим ударом стала ликвидация коллективных хозяйств, сначала оленеводческих, а затем и промысловых, и разрушение централизованной системы заготовки и сбыта пушнины. А пришедшая вслед за этим приватизация земельных угодий и объектов инфраструктуры стала еще одним драматическим вызовом.

Резкий слом советской системы и ликвидация государственных предприятий оставили эвенков без какой-либо опоры, и они были вынуждены вступать в капиталистическую рыночную экономику на чрезвычайно невыгодных условиях. В 1990-е годы номинальные доходы КМНС были ниже среднероссийских в 2-3 раза, при уровне цен в регионах Севера существенно выше, чем в других регионах России. Половина трудоспособного коренного населения не имела постоянной работы (Виноградова 2010: 137). Самые тяжелые последствия, по мнению местных жителей, имела ликвидация колхозов и зверопромхозов. Эвенки, которые в большинстве своем работали штатными охотниками, в одночасье лишились возможности обеспечивать себя привычным занятием. Зверопромхоз снабжал охотников необходимым снаряжением, оружием и патронами, формировал план на добычу того или иного зверя, исходя из динамики популяций, оценивал влияние охоты на численность популяций. Хозяйственное планирование тогда опиралось на научные исследования, кроме того, осуществлялось взаимодействие с различными ведомствами, в том числе с лесничествами. Охотники всегда были уверены, что сдадут добытые шкуры за фиксированную цену. С распадом централизованной системы хозяйствования и приватизацией охотничьих угодий приезжими частными предпринимателями эвенки перестали быть хозяевами своей земли, так как оказались вынужденными “субарендовать” лесные угодья у тех, кто заключил с государством договоры аренды сроком на 49 лет еще до принятия решений о возвращении родовых охотничьих угодий коренным народам.

Мужчины и женщины по-разному справились с выпавшими на их долю испытаниями. В советское время именно женщин отправляли учиться, главным образом в педагогические и медицинские вузы, мужчины оставались “на хозяйстве”, они должны были взять на себя уход за стадами оленей и охотничий промысел. Когда колхозы были ликвидированы и распалась система централизованной заготовки пушнины, когда началась приватизация охотничьих угодий, мужчины уже не могли заниматься оленеводством и охотой. Большинство из них не нашли себе места в новой экономической системе, многие спились, были вынуждены перейти к нелегальной деятельности, за которую нередко попадали под аресты и в заключение и т.п. Женщины, напротив, в основной своей массе, получив востребованные профессии, смогли трудоустроиться. Ничего удивительного поэтому нет в том, что женщины справились с вызовами постсоветского времени гораздо лучше, чем мужчины. В практику вошли браки между эвенкийскими женщинами и русскими или якутскими мужчинами, в то время как многим эвенкам-мужчинам не удавалось и не удается создать семьи.

На этом фоне резко возросла смертность эвенков-мужчин. Показателен рассказ респондентки из с. Холодное. Из пяти детей ее родителей в живых сейчас остались только она и брат. Один из братьев утонул, другой умер от туберкулеза, от туберкулеза умерла и сестра. Из пяти детей ее брата двое сыновей погибли в результате ссоры, перешедшей в поножовщину, а третий умер молодым. Сосед респондентки погиб незадолго до нашей экспедиции: его застрелил пьяный товарищ на охоте. Сын в 40 лет все еще не женат и не имеет детей. У другого нашего респондента из с. Холодное, тоже нет детей, а ему уже 59 лет. Можно услышать бесчисленное количество подобных историй. А в Верхнебуреинском р-не Хабаровского края мы вообще не встречали эвенков-мужчин, а эвенкийские женщины

говорили, что почти все их сверстники спились и умерли. Как это они сами объясняли, “мужчины пьют и умирают от безысходности”, лишённые привычного дела и не сумевшие адаптироваться к новым реалиям (ПМА 2021, 2022).

Показательно, как менялась риторика в исторической литературе и СМИ относительно эвенков. От пафоса сообщений времен строительства магистрали (“мы пришли в дикую землю и принесли цивилизацию”) и полного молчания (вплоть до середины 1990-х годов об эвенках в местной прессе не говорилось буквально ни слова) к осторожной оценке вклада местных жителей в индустриальные проекты: коренные народы получили по своему “законному абзацу”; об эвенках рассказывалось, что они помогли строителям, снабжая их продовольствием, и геологам и инженерам, работая проводниками и каюрами в тайге. В современных публикациях коренным народам уделяется гораздо больше внимания, а в Музее истории БАМа в г. Тынде первые два зала экспозиции посвящены эвенкам как “хозяевам тайги”.

События недавних лет и современная ситуация

После распада Советского Союза эвенки, как и все остальные жители нашей страны, были вынуждены самоорганизовываться, искать альтернативные формы хозяйствования. «В “этнических” законах, принятых на рубеже XX–XXI вв., появились термины “традиционное природопользование”, “традиционный образ жизни”» (Сирина 2012: 9). В основу легла концепция неотрадиционализма, предполагающая совмещение инновационного развития коренных народов и традиционных способов хозяйствования. Закрепление статуса коренных малочисленных народов Севера на законодательном уровне стало важным подспорьем в деле сохранения и развития языка и культуры малочисленных народов. В конце XX – начале XXI в. появились так наз. родовые общины:

добровольн[ые] объединени[я] представителей коренных малочисленных народов Севера, а также представителей других коренных народов и этнических общностей Севера, ведущих кочевой образ жизни на основе членства и объединения имущественных паевых взносов для совместной деятельности, связанной с традиционными занятиями и промыслами на их исконных территориях расселения (Там же: 310).

Для организации такого юридического лица необходимо выполнить довольно много требований, которые зачастую вызывают большие трудности у местных жителей. В 2014 г. родовые общины охватывали только 6% трудоспособного населения из числа КМНС (Гаер и др. 2014: 17). Основным критерием для получения положительного решения о создании общины является ведение традиционного хозяйства. Однако постоянное подтверждение уже полученного статуса удается далеко не всем, поэтому ежегодно число родовых общин меняется; на протяжении двух последних десятилетий прослеживается тенденция к их сокращению. “Среди эвенкийского населения существуют разные точки зрения на общины, не менее 70% из которых негативные. Основные претензии к их деятельности: сужение по сравнению с промхозами сферы хозяйственной деятельности, неучастие в строительстве социальной жизни сел” (Сирина 2012: 315). Таким образом, на месте крупных коллективных хозяйств, имевших государственную поддержку, сегодня возникли небольшие предприятия, пытающиеся в одиночку справиться со своими многочисленными проблемами и редко демонстрирующие экономическую эффективность. В основном их деятельность направлена на выживание и самовоспроизводство.

В Верхнебуреинском р-не Хабаровского края на сегодняшний день оленеводческих хозяйств не осталось, и оленеводство в целом практически прекра-

тило свое существование. Эвенки в большинстве своем ассимилировались, они малочисленны и пассивны, за исключением единичных энтузиастов, активно принимающих участие в работе местных отделений Ассоциации КМНССиДВ.

В Северо-Байкальском р-не Бурятии положение эвенков тоже весьма неутешительное. Единственная школа, где преподают эвенкийский язык, находится в с. Холодное. Одна из респонденток рассказала, как ее дочь, следуя за своей мечтой, поступила в вуз учиться преподаванию эвенкийского языка, однако семья не смогла оплачивать сопутствующие расходы, попросту “не потянули взятки”, пришлось бросить учебу и вернуться в родное село. Заниматься традиционным хозяйством становится все сложнее. Оленеводческие общины в районе закрываются, так как им не продлевают аренду земли, запрещают отстрел хищников в местах выпаса – вплоть до уголовной ответственности; таким образом, оленеводы оказываются “вне закона”. На момент второй нашей экспедиции (в августе 2022 г.) в районе оставалась всего одна такая община, две перестали существовать за год до того. Одно из последних оленьих стад владелец отпустил в тайгу, сославшись на то, что не может в новых реалиях продолжать держать его. Стадо прибилось к диким оленям. Земли, которыми пользовалось хозяйство этого оленевода, передали человеку, постоянно проживающему в Улан-Удэ, но имеющему (по словам респондента) связь в правительстве республики. Олени же, которых отпустил бывший оленевод, до сих пор числятся в официальных данных – для получения местными властями дотаций на оленеводство. Ну как тут не вспомнить гоголевские “Мертвые души”...

“Не осталось стада, бросили. Нам землю-то не дают. У нас была аренда на 25 лет, она закончилась, подали заявки на территории, наши заявки были не удовлетворены, поскольку оленеводство сопряжено с охотой, надо вести отстрел медведя, волка, росомахи – хищников, а у нас на это нет права”, – говорил нам один из бывших оленеводов (ПМА 2022). Испокон веков и до недавнего времени у оленеводов было право на отстрел животных, угрожающих стадам оленей, сегодня у них это право отняли.

Регистрируя общину, ее члены должны указать определенный вид деятельности: оленеводство, охота или рыболовство, ничем другим на законных основаниях они заниматься уже не смогут. А ведь традиционно эвенкийское хозяйство было комплексным! Предписанная законом “специализация” общин коренных народов оборачивается большими бедами. Как уже упоминалось, члены общин, объявивших себя оленеводческими, по закону не должны охотиться. Но, по словам оленеводов, так заниматься разведением оленей невозможно, нельзя “выходить в тайгу без оружия” по соображениям безопасности – как для оленей, так и для самих оленеводов.

Немалые претензии вызывает у байкальских оленеводов и государственное субсидирование оленеводства. Они получают 300 руб. на каждого оленя, в то время как в Каларском р-не Забайкальского края, например, оленеводы получают 900 руб., в Якутии – 1200 руб. По мнению эвенков, буряты, которые занимают ключевые посты в административных структурах, несправедливо распределяют средства на развитие животноводства, поступающие от государства; субсидируется коневодство в ущерб оленеводству: коневоды в большинстве своем буряты, а оленеводы – эвенки (ПМА 2022).

На сегодняшний день в Северо-Байкальском р-не, как уже говорилось, осталось всего одно оленье стадо, но районные власти отчитываются “наверх” гораздо большим числом стад и сильно преувеличивают общее поголовье оленей. По словам респондентов, это делается ради получения субсидий от государства и снабжения этими средствами бурятского коневодства. Отношения между бурятами и эвенками в целом достаточно напряженные.

Большинство эвенков теперь вынуждены заниматься рыболовством, которое традиционно считалось делом самых бедных и неудачливых. При этом эвенки, специализирующиеся в настоящее время на рыбной ловле, не имеют закрепленных за ними юридически промысловых участков, и вся эта деятельность строго контролируется властями. Существуют рыболовецкие общины, получающие значительные квоты и ведущие вылов и продажу рыбы в коммерческих масштабах. Однако среди организаторов подобных общин, по словам местных жителей, эвенков почти нет. Чаще всего такие общины состоят из русских, способных доказать наличие эвенков среди предков. Считаясь в науке устаревшими примордиалистские установки до сих пор используются в юридической и административной практике и широко распространены среди населения.

Охотничьих общин в районе нет, индивидуальные охотники вынуждены платить за лицензии и право охотиться на приватизированных участках, в то время как цена на пушнину значительно упала, да и сбывать ее стало сложно. Многие вынуждены браконьерствовать со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Таким образом, и олениводы, и охотники, и рыболовы сталкиваются с проблемой землепользования, распределения земельных участков. Огромные территории охотничьих угодий и пастбищ разобрали в аренду на 49 лет приезжие (не местные) частные предприниматели. А поскольку это произошло до принятия закона о землях традиционного природопользования, эти территории эвенки вернуть не смогут до окончания сроков аренды. Более того, эвенкам не продлевают субаренду, так как эта практика в последние годы юридически пресекается. Разные юридические нормы и административные постановления, как это водится, плохо согласуются друг с другом. Респонденты жаловались, что при возникновении земельных споров местные власти явно отдают предпочтение богатым добывающим компаниям. Границы многих родовых угодий до сих пор юридически не закреплены. По этой же причине эвенкам крайне трудно бывает добиться от компаний какой-либо компенсации за отчуждение их земель (*Поровознюк 2016: 32–34*).

В 2009 г. правительство отменило преференции для заявок КМНС на получение права пользования охотничьими угодьями. Теперь земли выставляются на аукционах, где КМНС должны конкурировать с участниками, обладающими существенно большими капиталами. Более того, после победы в аукционе нужно внести взнос 1–5 руб. за гектар при площади участков в несколько сотен тысяч гектаров, что выливается в неподъемную сумму для большинства национальных предприятий (*Тураев 2021: 20–21*).

Как видим, государство в настоящее время не слишком заинтересовано в развитии традиционного хозяйства КМНС. Центр тяжести сместился из сферы контроля за традиционным хозяйством и его продукцией в сферу контроля за территориями, использование которых сулит огромные коммерческие прибыли и совсем не нуждается в труде местных жителей. Эвенки теперь видятся в известном смысле как помеха для государственного и частного предпринимательства.

Однако справедливости ради нельзя не подчеркнуть, что, в отличие от Верхнебуреинского р-на Хабаровского края, в Северо-Байкальском р-не Республики Бурятия существуют самоуправяемые поселения эвенков, в некоторых школах преподают эвенкийский язык, есть крупные организации, занимающиеся сохранением и развитием эвенкийской культуры, такие как “Синильга” в Нижнеангарске.

* * *

В целом, вероятно, можно говорить об эвенках БАМа как о части эвенков, имеющей особую историческую судьбу по сравнению с остальными группами

этого народа. Крупный модернизационный проект с неизбежностью втянул эвенков во взаимодействие с большими массами пришлого населения, но при этом он не только не оставил им возможности заниматься традиционными промыслами, но и не инкорпорировал их в иные сферы экономики. А вмешательство государства, с какими бы благими намерениями не проводились преобразования, в большинстве случаев оказывало и оказывает негативное влияние, если те, на кого эти преобразования направлены, не имеют права голоса при принятии ключевых решений. Многочисленные программы поддержки коренных народов, различные законодательные инициативы зачастую используются в корыстных целях людьми, лучше, чем эвенки, эвены и другие представители коренных малочисленных народов Сибири, ориентирующимися в юридических тонкостях.

На долю каждого поколения эвенков в XX в. выпадало событие, коренным образом меняющее социальную и экономическую реальность, что нарушало преемственность поколений, межпоколенную передачу культуры.

Разница между западным и восточным БАМом (точка разделения – г. Тында) сразу бросается в глаза. К западу от Тынды значительно выше уровень транспортной, в особенности железнодорожной, инфраструктуры, гораздо проще логистика. Близость Байкала обеспечивает туристическую привлекательность, в том числе востребован этнотуризм. Местные эвенки в большей степени сохранили черты традиционного образа жизни, несмотря на более длительное взаимодействие с русскими и бурятами, есть школы с преподаванием эвенкийского языка, территории компактного проживания с особым статусом самоуправления. Если на восточном участке БАМа местные жители практически не принимали участия в строительстве магистрали, то здесь среди первостроителей их было достаточно много.

В Верхнебуреинском р-не оленеводства фактически не существует, и уже довольно продолжительное время, надежды на возрождение традиционного занятия нет. В Северо-Байкальском р-не прямо сейчас мы можем наблюдать, как оно деградирует, несмотря на все усилия местных жителей, региональных и федеральных властей. В целом же эвенки, живущие в районах, примыкающих к БАМу, оказались в ситуации, когда то, что принято называть модернизацией, разрушает их вековые традиции, не предлагая сколько-нибудь удовлетворительных культурных и экономических альтернатив.

Процессы изменений в обществе часто описывают при помощи понятия “эволюция”. Если применить его к процессам модернизации, то можно проследить, как одни системы подчиняют себе другие и перехватывают контроль над их эволюцией, чтобы приспособить к своим нуждам. Налицо крайнее неравенство сторон. Техническое, военное и экономическое превосходство “мейнстримного общества” (“центра”) обуславливает деструктивные последствия для “модернизируемых” периферийных обществ. И постсоветский капитализм, и авторитарная командная экономика СССР в конечном итоге создавали неравенство, хотя и разными способами. В СССР оно формировалось за счет подчинения экономики государству, что позволяло его функционерам диктовать условия труда, производства и распределения. Не меньшим был дестабилизирующий эффект включения традиционных хозяйств в постсоветскую товарно-денежную экономику. Истинный корень проблемы заключается в почти абсолютной зависимости и эвенков и представителей иных КМНС от структур, которые они не могут контролировать. Будь то глобальный рынок, где участники крайне неравны в своих возможностях на него влиять, или же авторитарное государство, мы в любом случае имеем дело с неравенством и отсутствием контроля со стороны более слабых участников экономических отношений. Модернизация, таким образом, потенциально опасна для подвергающихся ей

сообществ, хотя большинство пострадавших от нее людей вряд ли теперь уже будут готовы отказаться от так наз. благ цивилизации и технического прогресса. Важно, чтобы в дальнейшем модернизация проходила все же на таких условиях, которые принимаются и контролируются теми, кого она непосредственно касается. Отсюда один из кардинальных наших выводов: необходимы тесное взаимодействие рядовых эвенков и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока с федеральными органами власти, например с ФАДН, в частности в плане ревизионистских инспекций на местах. Центральным органам власти надлежит меньше полагаться на отчетную документацию местных властей, а постоянно мониторить реальную ситуацию. Необходимо также уделять как можно больше внимания защите прав КМНС на ведение традиционного хозяйства. Это означает не только борьбу с нарушениями или злоупотреблениями в рамках действующих законов, но и пересмотр существующей модели, которая часто делает эвенков уязвимыми перед эксплуатацией их угодий частными предпринимателями и арендаторами. Кроме того, именно на правительстве нашей страны лежит ответственность за создание благоприятных условий для смены деятельности тех эвенков, которые не хотят или не могут вести традиционное хозяйство, что подразумевает улучшение доступа к образованию и создание новых рабочих мест, а также усиление мер социальной поддержки.

Примечание

¹ См. также: *Щекин М.А.* Модернизация или доместикация? Опыт эвенков в глобальном контексте // *Антропологии/Anthropologies*. 2023. № 2 (готовится к публикации в октябре текущего года).

Источники и материалы

ПМА 2021 – Полевые материалы авторов. Собраны Д.А. Долгих, Г.С. Корытиным и М.А. Щекиным в августе 2021 г. в ходе экспедиции в Верхнебуреинский р-н Хабаровского края и Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия (поселки Чегдомын, Герби, Солони, Уоян).

ПМА 2022 – Полевые материалы авторов. Собраны Д.А. Долгих и М.А. Щекиным в августе 2022 г. в ходе экспедиции в Северо-Байкальский р-н Республики Бурятия (села Холодное и Байкальское).

Научная литература

Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2010.

Виноградова С.Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // *Труды Кольского научного центра РАН (Апатиты)*. 2010. № 2. С. 127–139.

Гаер Е.А., Батъянова Е.П., Шпинев В.Н. Коренные малочисленные народы Нижнего Амура в постсоветской действительности // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. 2014. Вып. 228.

Долгих Д.А., Корытин Г.С., Щекин М.А. В Верхнебуреинском районе Хабаровского края и Северо-Байкальском районе Республики Бурятия // *Новые российские гуманитарные исследования (электронный журнал)*. 2021. Вып. 16. <http://www.nrgumis.ru/articles/2173>

- Забияко А.П. и др.* Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск: РИО, 2012.
- Поровознюк О.А.* Городские аборигены БАМа: индустриальный бум, техносоциальные сети и борьба за ресурсы // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 1. С. 23–41.
- Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире: самосознание, природопользование, мировоззрение. М.: Восточная литература, 2012.
- Тураев В.А.* Охотничий промысел коренных малочисленных народов Дальнего Востока в условиях постсоветской трансформации (1990–2010) // *Россия и АТР*. 2021. № 4. С. 12–27.
- Шубин А.С.* Эвенки. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2007.

Research Article

Dolgikh, D.A., and M.A. Shchekin. What Did Evenks Get from Modernization? Global Projects of the Century and People's Destinies [Chto dala modernizatsiia evenkam? Global'nye proekty veka i sud'by liudei]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 111–124. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050081> EDN: YECIEC ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitriy Dolgikh | <http://orcid.org/0009-0004-6733-5048> | dolgikh-dmit@yandex.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Mikhail Shchekin | <http://orcid.org/0009-0005-9083-7625> | smofficial@mail.ru | Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., 125993, Moscow, GSP-3, Russia)

Keywords

modernization, industrial projects, Evenks, indigenous peoples of North, Siberia and Far East, traditional economy, traditional culture, collective farms, collectivization, post-Soviet transformations, state support measures

Abstract

The article is based mainly on the materials of the expeditions of 2021–2022 to the areas of close cohabitation of Evenks and Russians – the Verkhnebureinsky district of the Khabarovsk Territory and the Severo-Baikalsky district of the Republic of Buryatia. The territories adjacent to the Baikal-Amur Railway were under the influence of an aggressive policy of modernization, which led to significant transformations in the habitual way of life of the indigenous peoples of the North (often abbreviated in Russian as KMNS, standing for *korennye malochislennye narody severa*) – in the conditions that prevailed after the construction of the highway and related infrastructure, it became impossible to use traditional ways of subsistence such as reindeer herding, hunting and fishing. Many representatives of the indigenous peoples of the North were unable to adapt to the changed realities. We argue that there is a need for close cooperation between federal authorities, such as the Federal Agency for Ethnic Affairs of the Russian Federation, with the Russian Association of Indigenous Peoples of the North and with Evenk business entities. The central federal authorities should rely less on the reports of local authorities, while constantly monitoring the real situation. It is necessary to pay as much attention as possible to protecting the rights of the indigenous peoples of the North to conducting a traditional

economy. This means not only combating violations or abuses within existing laws, but also overhauling the existing model, which often leaves the Evenks vulnerable to exploitation of their lands by private entrepreneurs and tenants. In addition, it is the government of the country that is responsible for creating favorable conditions for changing the activities of those Evenki who do not want or cannot run a traditional economy, which implies improving access to education and creating new jobs, as well as strengthening social support measures.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant number 21-18-00495]

References

- Akimov, Y.G. 2010. *Severnaia Amerika i Sibir' v kontse XVI – seredine XVIII v. Ocherk sravnitel'noi istorii kolonizatsii* [North America and Siberia at the End of the 16th – The Middle of the 18th Centuries: Essay on Comparative History of Colonization]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Dolgikh, D.A., G.S. Korytin, and M.A. Shchekin. 2021. V Verkhnebureinskom raione Khabarovskogo kraia i Severo-Baikal'skom raione Respubliki Buriatiia [In the Verkhnebureinsky District of the Khabarovsk Territory and the Severo-Baikalsky District of the Republic of Buryatia]. *Novye rossiiskie gumanitarnye issledovaniia* 16. <http://www.nrgumis.ru/articles/2173>
- Gaer, E.A., E.P. Batianova, and V.N. Shpinev. 2014. Korennye malochislennye narody Nizhnego Amura v postsovetskoi deistvitel'nosti [Indigenous Peoples of the Lower Amur in Post-Soviet Reality]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 228.
- Porovozniuk, O.A. 2016. Gorodskie aborigeny BAMA: industrial'nyi bum, tekhnosotsial'nye seti i bor'ba za resursy [Urban Aborigines of BAM: Industrial Boom, Technosocial Networks and Struggle for Resources]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 23–41.
- Shubin, A.S. *Evenki* [Evenks]. Ulan-Ude: Respublikanskaia tipografiia, 2007.
- Sirina, A.A. 2012. *Evenki i eveny v sovremennom mire: samosoznanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenks and Evens in the Modern World: Self-Awareness, Environmental Management, Worldview]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Turaev, V.A. 2021. Okhotnichii promysel korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka v usloviiakh postsovetskoi transformatsii (1990–2010) [Hunting of the Indigenous Peoples of the Far East in the Conditions of Post-Soviet Transformation (1990–2010)]. *Rossia i ATR* 4: 12–27.
- Vinogradova, S.N. 2010. Formirovanie gosudarstvennoi politiki v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: retrospektivnyi analiz [Formation of State Policy Towards Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East: A Retrospective Analysis]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN (Apatity)* 2: 127–139.
- Zabiako, A.P., et al. 2012. *Evenki Priamur'ia: olennaia tropa istorii i kul'tury* [Evenki of the Amur Region: Deer Trail of History and Culture]. Blagoveshchensk: RIO.